

ГЛАВА I

В это позднее весеннее утро события в жизни Фрэнсиса Моргана чередовались с невероятной быстротой. Вряд ли кому-то еще пришлось пережить такой резкий скачок во времени и так внезапно попасть в яркую, полную жизни драму, вернее, даже трагедию; вряд ли кому-то другому удалось так близко соприкоснуться с удивительной — то ли первобытной, то ли средневековой — мелодрамой, в которую подчас превращается жизнь народов латинской расы, населяющих Среднюю и Южную Америку, — народов, как известно, отличающихся пылкими чувствами и необузданными страстями. Да, можно сказать, что в это утро судьба не церемонилась с Фрэнсисом Морганом!

Однако пока он лениво валялся в постели, не зная даже, пробудился ли мир ото сна. Да и сам Фрэнсис еще окончательно не проснулся. Накануне он до поздней ночи играл в бридж и потому поздно встал. Поздно позавтракав фруктами, молодой человек направился в библиотеку — элегантно обставленную, но выдержанную в строгом стиле комнату. Отсюда его отец до конца своей жизни отдавал распоряжения, занимаясь многочисленными делами.

— Паркер, — обратился Фрэнсис к камердинеру, служившему еще его отцу, — не замечали ли вы — не начал ли Р. Г. М. полнеть перед смертью?

— О нет, сэр, — был ответ. В тоне его слышалась почти-тельность отлично вышколенного слуги; правда, Паркер невольно окинул не слишком одобрительным взглядом дородную фигуру молодого хозяина. — Ваш отец, сэр, не утратил стройности до конца своих дней. Он и под старость был таков же, как в молодости: широкоплечий, с мощной грудью и широкой костью, но талия у него так и осталась тонкой,

сэр. Нынешние молодые господа могли бы ему позавидовать. Очень уж он за собой следил — каждое утро ровно полчаса делал в постели гимнастические упражнения. Ничто не могло ему помешать. Он называл это своей религией.

— Да, у него была редкая фигура, — рассеянно ответил молодой человек и бросил взгляд на биржевой телеграф и на телефоны, поставленные тут еще его отцом.

— О да, — убежденно подтвердил Паркер, — он был строен, как настоящий аристократ. И вы унаследовали его фигуру, сэр, — только немного дороднее.

Молодой Фрэнсис Морган, унаследовавший от отца, кроме фигуры, еще и несколько миллионов долларов, лениво развалился в широком кожаном кресле и вытянул перед собой ноги, словно посаженный в клетку могучий лев, расправляющий свои члены. Раскрыв утреннюю газету, он взглянул на заголовки. Там говорилось о новом обвале на Панамском канале.

— Хорошо, что мы, Морганы, вообще не склонны к полноте, — сказал он и зевнул, — а то я давно растолстел бы от подобной жизни... Как, по-вашему, Паркер?

Пожилой слуга вздрогнул. Он не ожидал вопроса и потому не сразу нашелся что ответить.

— Конечно, сэр, — наконец поспешно проговорил он, — то есть я хочу сказать, — нет, сэр, — вы сейчас вполне в форме, сэр.

— Не сочиняйте, Паркер, — сказал молодой человек. — Я, пожалуй, не то чтобы разжирел, а так... мускулы слегка начали дрябнуть... Правда, Паркер?

— Да, сэр... нет, сэр, — я хотел сказать — нет, сэр. Вы выглядите не хуже, чем три года назад, когда вернулись домой, окончив колледж.

— И всецело посвятил себя ничегонеделанию, — весело пошутил Фрэнсис. — Паркер!

Паркер был полон почтительного внимания. Хозяин его между тем погрузился в глубокие размышления, словно решал какую-то важную задачу. Рука его тихо поглаживала

короткие щетинистые усики, которые с недавних пор украсили верхнюю губу.

— Паркер, поеду-ка я рыбу удить.

— Да, сэр.

— Я купил несколько складных удочек. Пожалуйста, составьте их и принесите мне сюда — хочу попробовать, хороши ли они. Мне пришло в голову, что необходимо уехать недели на две и пожить где-нибудь в глухом лесу. Если я этого не сделаю, то начну толстеть и опозорю славный род Морганов. Помните сэра Генри? Старого оригинала сэра Генри — этого лихого пирата?

— Да, сэр, я читал о нем, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и дожидался минуты, когда его словоохотливый молодой хозяин наконец замолкнет и ему удастся улизнуть.

— Мне не слишком бы следовало гордиться этим старым пиратом!

— О что вы, сэр! — запротестовал Паркер. — Ведь он был губернатором Ямайки. И до самой смерти пользовался всеобщим уважением.

— Счастье, что его не повесили, — засмеялся Фрэнсис. — В сущности он один и является позором нашего рода, основателем которого считается. Впрочем, я не то хотел сказать. Дело в том, что я недавно начал тщательно изучать все относящиеся к нему документы и узнал, что он до смерти сохранил стройность фигуры: у него не было ни малейшего намека на брюшко. Да, он нам, Морганам, оставил хорошее наследство. Правда, мы так и не смогли отыскать его сокровищ, но зато отсутствие брюшка дороже всяких драгоценностей. Эта черта — характерный признак всей нашей породы... я вспоминаю лекции моего профессора биологии.

Наступило молчание. Паркер исчез. Фрэнсис погрузился в чтение газеты. Из нее он узнал, что открытие Панамского канала для пароходов должно состояться не раньше чем через три недели.

Зазвонил телефон. Судьба, пользуясь телефонными проводами, этими нервами современной утонченной цивилизации, выпустила свои щупальца — щупальца, которыми вскоре был опутан Фрэнсис Морган, спокойно сидевший у себя в библиотеке, в роскошном доме, выстроенном его отцом на Набережной.

Морган взял трубку и стал слушать.

— Да нет, дорогая миссис Каррутерз, — стал он уговаривать невидимую собеседницу, — это просто местная горячка. Акции Нефтяной Компании Тэмпико стоят твердо. Это не спекулятивные бумаги, а солидное помещение капитала. Держите их, держите крепко... Наверное, дело просто в том, что на бирже появился какой-нибудь разбогатевший фермер, который и старается прикупить эти акции. Ведь они пользуются солидной репутацией и на самом деле солидны... Что из того, что они поднялись на два пункта? Не продавайте ни в коем случае! Акции Тэмпико — не лотерея и не рулетка. Это не дутая компания, а подлинное промышленное предприятие. Я даже жалею, что оно слишком крупное для меня одного — хотелось бы финансировать его единолично... Подождите, дайте договорить! Это вовсе не мыльный пузырь. У нас на миллион одних только цистерн. Наша железная дорога и три линии нефтепровода стоят пять миллионов. У нас работают сейчас нефтяные фонтаны, в которых добра миллионов на сто. Наша задача теперь — найти способ доставлять нефть к морю для погрузки на пароход. Сейчас самый подходящий момент для приобретения акций Тэмпико. В настоящее время они представляют собой самое разумное помещение капитала. А через год-два будут стоять настолько твердо, что перешеголяют любые государственные бумаги... Да, да, пожалуйста. Не обращайтесь на биржу. Но не забудьте, пожалуйста, что не я посоветовал вам приобрести эти акции. Я никогда не даю таких советов друзьям. Но раз они у вас имеются, держитесь за них. Компания Тэмпико не хуже вашего Английского банка... Да, мы с Дикки вчера ограбили партнеров... отлично провели вечер. Хотя

Дикки — человек, слишком увлекающийся, — ему не следовало бы играть в бридж... Да, везло как утопленнику!.. Ха-ха!.. Я не увлекаюсь?.. Ха-ха!.. Что вы? Неужели!.. Передайте Гарри, что я уезжаю недели на две... Поеду ловить форель... Весна, понимаете, быстрая речка, деревья, налитые соком, распускающиеся почки, цветы и все такое прочее... Ну, пока до свидания, и держитесь Тэмпико. Если они немного упадут, когда фермер из Миннесоты прекратит их покупку, купите еще. Я тоже куплю. Прямой расчет!.. Да!.. Да, разумеется. Их нельзя продавать при первом же повышении курса, потом вы не выкупите. Разумеется, я знаю, что говорю! Я отлично выспался — спал восемь часов, — и не выпил еще ни капли виски... Да, да... До свидания!

И Фрэнсис, удобно расположившись в кресле, подтянул к себе ленту аппарата, соединенного с биржей, и стал ее лениво разглядывать. Полученные сведения о состоянии биржи, по-видимому, не вызвали у него особого интереса.

Вскоре вернулся Паркер, держа в руках несколько новеньких, ярко блестящих удочек. Каждая из них являла собой своего рода чудо техники и человеческого искусства. Фрэнсис тотчас же вскочил на ноги, забыв о биржевом телеграфе. Слово маленький мальчик, он с восторгом начал разглядывать свои игрушки. Испытывая удочки одну за другой, молодой человек взмахивал ими так, что они со свистом, словно хлыст, рассекали воздух, потом осторожно и медленно двигал рукой в разные стороны, будто забрасывал их в какой-то невидимый пруд, таивший в своих глубинах множество форели.

Снова зазвонил телефон. На лице Фрэнсиса мгновенно отразилось раздражение.

— Бога ради, Паркер, — приказал он, — подойдите к нему! Если звонит какая-нибудь дура, вздумавшая играть на бирже, скажите ей, что я умер, или напился до бесчувствия, или я заболел тифом, или собираюсь жениться, одним словом, скажите, что со мной стряслась какая-то беда.

После короткого диалога, выдержанного Паркером в скромном и сдержанном тоне, вполне подходившем к холодной

и строгой обстановке библиотеки, почтенный слуга произнес в трубку: «Одну секунду, сэр!» — затем, закрыв трубку рукой, объявил:

— Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

— Пошлите мистера Бэскома ко всем чертям! — ответил Фрэнсис и закинул удочку так далеко, что крючок чуть было не вылетел в окно и не зацепил садовника, занятого в саду пересадкой розового куста.

— Мистер Бэском просит передать, что ему необходимо переговорить с вами относительно положения на бирже, сэр. Он вас задержит всего на минутку, — настаивал Паркер, но настолько деликатно и незаметно, словно просто передавал какое-то маловажное сообщение.

— Ладно, так и быть! — И Фрэнсис, осторожно прислонив удочку к столу, подошел к телефону.

— Алло! — сказал он. — Да, это я, Морган. В чем дело? Ну!

Он слушал с минуты, затем раздраженно перебил говорившего:

— Продавать — на кой черт? Ни в коем случае... Конечно, я рад, что узнал об этом. Даже если бы они поднялись на десять пунктов, — чего, разумеется, быть не может, — держите все акции до единой. Может быть, это вполне законное повышение, и они больше не упадут. Акции солидные. Они стоят дороже своей котировки. Публика может этого не знать, но я-то знаю. Не пройдет и года, как они дойдут до двухсот... то есть, само собой разумеется, если в Мексике наступит успокоение. Если они начнут падать, я вам велю покупать... Глупость... Кто хочет получить контрольный пакет? Это чисто случайное явление... Что? Ах, простите, я хотел сказать, чисто временное явление. Я собираюсь уехать недели на две — поудить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов, покупайте. Покупайте все, что будут предлагать. Ведь вы знаете, когда человек является владельцем солидного предприятия, повышатели для него так же опасны, как и понижатели... да... да... да... Разумеется... Да. До свидания.